

Тот самый нацпроект

Ваши плодородия, господа крестьяне...
Колхоз «Россия» и его последние обитатели

Справа вдоль дороги - сосновый бор, слева – кружевная дубрава, потом мост через реку Ворона, приятную во всех отношениях: любой рыбак глянет на это чудо, и сердце его непременно забьется. А дальше село Власовка, и вокруг села подковою – озеро в орнаменте нежной майской зелени. Мы стояли на берегу, и от первозданной красоты и запахов у меня захватывало дух. Райский уголок – именно из восточного края Воронежской области хранился в Париже эталон плодородия нашей планеты. По всем законам экономики земля здесь должна быть драгоценной, а фермеры, бизнесмены и любители заповедной природы должны бы стоять в очередь к местному начальству за правом купить участок или дом под дачу.

Вишневский вез меня по своему селу и показывал: вот на этой улице брошены все дома, на этой - две трети, на этой – только в одном живут... Обычные крестьянские дома провинциальной глубинки: электричество есть, удобства во дворе, вода в колодце. Стоят они здесь дешево: вполне жилой крестьянский дом – 4-5 тысяч. Рублей, рублей. По цене дров. Вместе с огородом и садом.

Наши разговоры с Вишневским невольно сходились к двум вопросам: как можно сделать этот благословенный уголок непригодным для проживания? И – умышленно ли это было сделано, или как бы само так получается уже много лет подряд?

Найти десять отличий

Александр Федорович Вишневский из села Власовка Воронежской области – фермер с 1990 года, участник пяти первых съездов фермеров России. Можно сказать, образцовые исходные данные: не только диплом МГУ, но и высшие разряды рабочих специальностей токаря и сварщика. Без намеков на вредные привычки, трудоголик. Прекрасная семья, трое детей. В 2006 году он написал отчаянное и безответное письмо президенту Путину («Я заправляю трактор 16 ведрами картошки...», «Новая газета» №75 от 2.10.2006). С тех пор нацпроекты, включая «Развитие АПК», двинулись в триумфальный свой поход по стране, и жизнь со страниц и экранов смотрится все веселее. И пора нам было вернуться к разговору о селе.

Вставать и ехать на встречу с Вишневским пришлось почти по-крестьянски – в 5 утра. Автобус Воронеж-Жердевка, больше трехсот километров на восток, почти пять часов пути – велика и Россия, и Воронежская область. В автобусе мало молодежи и совсем нет детей. Большинство – женщины; серые одежды, платки, болотного цвета плащи. Туфли их с городскими не спутаешь. Кирпично-земляной загар – в солирии такого не получишь. У мужиков, впрочем, тоже. Крестьянский цвет.

Вспоминая у окошка деревенское детство, я пытался отмечать, чем отличается село капиталистическое от советского. Отличий оказалось немного. Дорога в обрамлении бесконечной лесополосы та же - один ряд, встречные машины пугают столкновением и звуком взлетающего самолета, асфальт на обочине плавно переходит в грунт. Вся дорога от Воронежа до Власовки - в миллионах заплаток.

Ближе к большим селам большинство столбов электролиний - бетонные, в глуши их сменяют деревянные. Еще дорожные знаки стали другими.

Главный признак капитализма – придорожный сервис: теремки свежих кафешек, киоски-палаточки, развал-схождения, шашлыки.

А вот в селах свежих строений не видно: на всех домах – серая печать времени. На долгой дороге можно физически ощутить, как лоск и роскошь московских витрин выплескивается за кольцевую, растекается по столицам регионов, ручейками просачивается в райцентры и глохнет на провинциальных дорогах. До сел - государственного «нутра» - они не проникают.

Чем дальше, тем больше непаханных полей – и это вдоль трассы. А в небольших селах вдоль дорог легко можно определить брошенные дома.

После дождей распаханное поле было бархатно-черными. Чернозemiще! Это плодородие выглядит кричащим: яркая, буйная зелень лесополос, лугов и даже заброшенных полей - на радость птицам и насекомым, но к человеку оно имеет все меньше отношения.

Райцентр Анна. Аж девять палаток с шашлыками на автовокзале: проголодавшиеся водилы охотно здесь перекусывают. Нагромождение киосков пиво-хлеб-носки-трусы-сигареты-мороженое вдоль стоянок автобусов и вечные старушки с семечками и орешками; от вокзала уходит одноэтажная улочка из деревянных и кирпичных домов. Газеты на развале очень желтые и заскорузлые - за март, за февраль. Есть даже прошлогодние. За время стоянки ни одну газету или журнал не купили. Продавцу, кажется, все равно.

Цветет и пахнет нацпроект

В Новомакарово меня встретил Вишневский и сразу взялся за дело: остановил трактор и позвал оттуда знакомого механизатора Сашку, который переезжал с одного поля на другое. Тот пугливо косился на мой диктофон, и разговорить его Вишневскому, которого механизатор называл дядь Сашей, удалось с огромным трудом. Ну, зарплата у механизатора хорошая, до 5 тысяч выходит в месяц. Если хорошо работать. Не, зимой механизаторы лапу сосут. Поросятков все держат, ими и спасаются. А коров порезали – невыгодно. Многие порезали.

Фотографироваться он отказался напрочь. Чтоб разозлить Сашку на разговор, я сообщил ему, что водители московских пригородных электричек и поездов метро получают в месяц 50-60 тысяч, но тут он глаза опустил окончательно, голос его дрогнул, и видно было, что он может или расплакаться, или дать мне в морду, несмотря на присутствие фермера. Вишневский тоже это понял и Сашку отпустил.

Мы поехали в райцентр Грибановку - общаться с людьми и чиновниками насчет фермерской доли. Но еще в автобусе договорились, что я вовсе не журналист, а просто старый знакомый или деловой партнер Вишневского. Иначе толку не будет.

Да, ни один местный фермер не нажил серьезных капиталов. Вот видишь? - показывал Вишневский, - это поле фермерское, такого-то. Брошено.

Вот слева поле. Тоже брошено.

Вон мой сад, 28 гектар, видишь? Знаешь, сколько труда вложил?.. Теперь он зарос и вымирает. А начальство, оставив крестьянина с разбитым трактором без солярки, один на один с минимальным по закону полем в 200 га, – сучит ручонками, ждет инвесторов. Кого ждём-то? Турок, китайцев? Не анекдот: уже приезжали в нашу область убирать пшеницу турецкие бригады со своей техникой.

А кредит? - спросил я. И показал ему две газетные вырезки. Одна про то, что в Воронежской области «малыми формами хозяйствования» только в этом году уже привлечено 103,3 миллиона рублей кредитов по нацпроекту "Развитие АПК". Что здоровые частники и фермеры легко могут пользоваться субсидируемыми кредитами - на ГСМ и запчасти, удобрения и средства защиты растений, молодняк скота и птицы, корма и ветпрепараты, и даже на взносы при страховании сельхозпродукции. На строительство и модернизацию животноводческих комплексов, сельскохозяйственную технику, теплиц и хранилищ.

Другая – про позитивные результаты совместной работы власти и агробизнеса в рамках национального проекта «АПК». Так, в одном ООО производство свинины за три месяца возросло с 10 тонн мяса до 130 тонн, и к концу года поголовье достигнет 15 тысяч, а производства мяса - 1,5 тысячи тонн. Другое реализовало по всему ЦФО уже 1700 голов племенного молодняка. А на молочную ферму в ООО «Хреновской конный завод» Бобровского района завезено 33 головы племенных нетелей айширской породы.

Ага, кредит! – взметнулся фермер. Собственников не образовалось – мифический, как баба Яга, средний класс и в городе днем с огнем не сыскать, а уж в деревне-то... - а простым смертным кредит не дадут. Нужны два поручителя. Чтоб заемщик не только сам в петлю влез, но и друзей своих затащил в долговую кабалу. Кто получает кредиты, Вишневский сам видел в МРЭО ГАИ: девушка из Россельхозбанка, пролезая вперед очереди, зарегистрировала на себя новенькую иномарку, купленную в кредит через родненький банк.

Областное начальство трубит, что купило в Европе 33 племенных коровы. А до этого в селе резали за долги Сбербанку стельных (!) коров, и видел бы ты, как выли при этом бедные доярки! Сколько тракторов, да чего там – тысячи комплектных хозяйств, порезано на металлолом за долги! И теперь вместо технологий 3-го тысячелетия не образно, а натурально одевай на плечо вожжу от сохи, да ворочай ее, матушку, – «на сибе».

Кредит... Сбербанк отобрал той весной на его оформление последние домашние деньги, пообещав, да так и не дав кредита на дизтопливо, и до последней копейки снимал со счёта наши с женой детские пособия на божий подарок - родившегося ребёнка. По правилам банка, монополиста в моем селе, чем меньше денег на счету, тем больше плата за его обслуживание. И плевать им, что у кого-то остались непахаными десятки гектаров, сгнили тонны семян! Зато государство не забывает слать мне квитанции на оплату налогов. А ведь при абсолютно всех платежах у меня нет прав на больничный лист, и мой удел к старости – социальная пенсия. Кредит, его м-мать...

Да я и сам премного наслышан, что в село приходит очень крупный бизнес - им охотно занимаются крупные чиновники местного и федерального разлива. Не сами, разумеется, а их детки, жены, тещи и др. Поскреби ногтем успешных сельхозбизнесменов, и непременно проявятся руководящие и направляющие господа. У них, понятно, с кредитом никаких проблем.

В Грибановке мы прошлись по кабинетам райадминистрации как бы по своим фермерским делам и выяснили, в частности, что ни единого участка земли в Грибановском районе до сих пор не продано. Только аренда. Хотя в Рамонском районе Воронежской области вдоль всей московской трассы стоят щиты: продается участок. Про Подмоскovie уж и говорить не приходится. А здесь, в черноземном эпицентре России, собственников земли - нет.

Кстати, губернатор Воронежской области недавно выступил с предложением разрешить продажу земли иностранцам. Говорят, пробный шар был такой. Шар этот привел Вишневского в ярость и досаду, а чиновников Грибановской администрации – в благожелательное расположение духа.

Еще выяснилось в кабинетах, что нацпроект «Развитие АПК» триумфально шагает по Грибановскому району, и в рамках этого нацпроекта заемщикам компенсируют большую часть платы за кредит. Однако сам кредит из 104 фермеров района брали только трое. Мимо остальных нацпроект как шел, так и ехал, потому что благодаря политике властей на урожаях все семнадцать лет капитализма в России обогащались не те, кто с сошкой, а те, что с ложкой, и сегодня фермерам нечего предложить банку в качестве залога.

- Что талдычить про нацпроект, если ни земля, ни кредит недоступны? - всплескивает Вишневский руками, которые напоминают о классике: на, прокуси ладони!

Он хотел взять пруд в аренду, но пока не получается, хотя пруд стоит бесполезный. Даже вредный: несколько раз в пруд сливали дизтопливо, и в нем давно никто не купается. Его надо основательно чистить, вложить труд и деньги.

Однако пруд – на земле сельскохозяйственного назначения, в собственность ее не получишь. Для аренды же надо произвести межевание, оформить участок, потом принять на баланс администрации – а это все денег стоит. Потом администрация объявит конкурс, и, если соперники не обойдут, Вишневский получит пруд в аренду. Но гарантий, что дойдет он до конца лихой дорожки этой, нет. Есть лишь маленькая надежда на нового главу района: им стал председатель колхоза «Россия» Польников – из своих, из мужиков. Он с земли, хозяин. Может, он выхлопочет хоть немного здравого смысла.

Вишневский потом показал мне аккуратное, игрушечное поле – вот, это его. Поле Польникова было ухожено не для гостей, ему просто самому по себе было приятно быть ухоженным.

Тут подоспел обеденный перерыв, и мы прошли по центру Грибановки. Московским капитализмом здесь и не пахнет – другая страна. На рынке яйца стоили 18 рублей десяток – при цене их в Воронеже 30-35 руб. Я с трудом подавил в себе желание купить три десятка.

На площади - две главные точки общепита. Просторное кафе – там только пиво, и к нему пакетики с орешками, сухариками и т.п. Никого в кафе нет. А рядом, в столовке, - битком. Там пахло ведром щей и пережаренным маргарином. Меня стало подташнивать, но я подавил эти буржуазные штучки: надо быть вместе с народом.

Цена обеда – 54 руб. В него входит: полрассольника (посетители ели, в основном, щи – они дешевле) с плоской пластинкой мяса с завернувшимися краями, блинчики с творогом, салат из свежей капусты. А бифштекс рубленый с макаронами, облитый с ног до головы подливкой, я брать не стал – еще жива память организма о прежних столовках. И правильно сделал – это стало ясно по блинчикам, которые оказались столь же советскими.

Из напитков – водка и лимонад. Зато много.

Но главное – запах. Сюда надо возить на экскурсию.

После обеда мы поехали во Власовку, родное село Вишневского. По дороге остановились лишь раз, в селе Большие Алабухи – там, наконец, я увидел первый признак процветания села - огромный, новенький дом. Во всем селе нет ни одного дома и вполонину его. Как пояснил мужик в фуфайке и с прутом (козу он стерег), это дом участкового. Он произнес это с придыханием. И оглянулся испуганно.

Во Власовке центральная площадь села заросла бурьяном, в середине которого уже два года торчит оранжевый газораспределительный пункт, бессмысленный и беспощадный - ни единого отвода в дома от него нет. Так и будет торчать: денег, чтобы подвести газ к дому, ни у кого нет. А слова-плакаты «голубое топливо», «крестьянская радость» - это для газет и телевизоров.

По грунтовой дороге от центра и до окраины села мы не встретили ни единой живой души. Правда, на лугу я видел теленка на привязи – он дремал среди нежно-зеленого буйства трав. В другом месте между рощами бурьяна и крапивы занимались своими делами куры.

По дороге миновали Власовскую начальную школу – в ней была перемена, и у входа играли трое малявок под присмотром учительницы. Она же, как пояснил Вишневский, - директор. Иногда она проводит занятия у себя дома: три играющих ребенка – это и есть все будущее поколение села Власовка. Школа деревянная и одноэтажная, но большая, ее построили в 1896 году, и в советское время занятия здесь шли в две смены.

Училка-директор ищет работу. Школу закрывают, и детей здесь больше никогда не будет. А само здание продают. За 50 тысяч рублей. Большое же! Но никому пока не нужен дом этот, а уж школа – и подавно.

Вот дом родственника Вишневого (Александр Федорович – из многодетной семьи), но сейчас он закрыт, а родственник - в Москве на заработках. Здесь ведь работы нет вообще никакой. Уезжают люди. Кто может. Вот перекресток трех улиц, теплый солнечный полдень, и ни одной живой души за два часа я не увидел. Но кто-то здесь живет: у Вишневого с трактора, оставленного на улице, сперли передний мост.

Да, говорит он, нам провозгласили нанотехнологии - в режиме одурачивания населения. Как съезд «Единой России». Прекрасное шоу! На котором не было одного, самого существенного, – народа. И какие бешеные бабки затрачены на съезд! Я спрашиваю, сколько русских деревень исчезло, сколько километров дорог не построено из-за роскошных лимузинов партай-элиты. И случись теперь недород в мире – мы погибнем от голода. Это результат политики, которую последовательно проводит Кремль. Буренка, курица, поросенок уже никогда не вернуться под теплый и пахнущий Родиной кров. Не к кому возвращаться. Крестьяне огромной страны – побежденные в этой войне и не имеют ничего. А богатые ненавидят бедных все больше и убирают их с дороги, зачищают из тысячу раз заработанных ими квартир, выживают с земли.

...Нет, никто, ни чиновники, ни крестьяне, не пожелал фотографироваться и говорить на диктофон - кроме самого фермера Александра Вишневого, остро желавшего бросить в лицо "кремлевским" и повторившего свой вызов несколько раз: **власть, ты знаешь, что ты сука!** Буквально.

А детям, сказал он, надо бы внушить, чтоб запомнили свою родину – она кончается, и больше ее не будет; при виде заповедной речки Вороны дрожь в душе и страх - что-то не так в этом безлюдье: может, река смертельную отраву несет или болезни – не могут же быть совершенно пустынными такие берега...

Чтоб знали дети, кому пронести по жизни свою благодарность.

Потом Вишневецкий проводил меня до автобуса, и я уехал домой, в Воронеж. А он остался.

Александр Ягодкин, Воронеж – Грибановка - Власовка